

На землю Франца Иосифа.

Ледокол „Седов“ шел на встречу волнам. Волны, разбиваясь, рассыпались мелкими брызгами и над баком подымалась радуга, бежала до мостика. Снова волна и новая радуга.

Так нас встретил Океан. Помню, как отошли от берега,—капитан сказал, что не надо запирасть каюту. В море за весь длинный путь, от Архангельска до Александровска, оттуда мимо Новой Земли к Земле Франца Иосифа и обратно через Карское море — каюты не запирались.

Из Архангельска отходили в ясную погоду и только отошли—туман и дождь мелкий, как с привязи сорвался.

— Пройдет скоро, погода временная—Федосья-рискуня. Отшумит и тихо будет.

Отшумела „Федосья-рискуня“, тихо стало, но хотелось скорее ко льдам.

В Александровске—этом почти брошенном и как будто вымирающем городе брали уголь. А из города не только жители ушли в Мурманск, но и дома увозят—местами остались только каменные фундаменты—от домов. Достопримечательностью города за полярным кругом был мороженщик. Он стоял около кооператива или около Народного Дома. Весь город (около ста человек) приходил „освежиться“ мороженым.

Наконец—отошли и от Александровска. Пароход вымылся после погрузки угля.

Теперь мы идем ко льдам!

Чайки долго летели с нами.

9-VII. Идем льдом. Лед серый, м. б. засыпан береговым песком, местами белый, сверкающий. Источенный водой лед очень причудливых форм.

Ледокол медленно раздвигает лед, колет, давит своей тяжестью. Лед оседает, раскалывается длинными трещинами и раздвигается, унося с собой краску с ледокола,—будто красные раны на льдинах.

Ледокол полным ходом двинулся на толстый пласт льда, смял, расколол и остановился—подводная часть не пустила дальше. Короткая команда:

Знак на Земле Франца Иосифа.

Рис. худ. С. Г. Писахова.

- Лево на борт!
- Задний ход!
- Полный вперед!

Прошли. Вывернулся ярко зеленый край льдины, а в воде в глубине льдина темно-зеленая. Из сплошного льда вышли.

На воде появляются тюленьи морды, утки проносятся мимо. А Михайло в бочке „высматривает зверя“. Промышленники одели малицы. Туман, мелкий лед кажется неподвижным. Тихо. Постукивает паровое отопление в трубах. Ледокол стал давно знакомым. В красном уголке соорудили знак, на большой красной звезде якорь и самолет, и лозунг— „В воздухе и на воде выполним заветы Ильича“.

А в тумане, во льдах своя жизнь идет,—то льдина прошуршит или слегка прозвенит, рассыпаясь, птица прокричит и еще какие то звуки.

11-VII. Сегодня солнечно. Снег блестит и кажется, что светится. Показалась льдина—поле. Подошли, а она дырявая и для под'ема самолета мала.

13-VII. Кругом лед почти сплошной. Под солнышком сверкают маленькие озерки воды, как дорога для „Седова“. Показалось большое пространство воды. Блестит. А по краю мираж строится.

Радио принесло весть о спасении двух спутников Нобиле. Радиogramма висит около камбуза. Известие всех всколыхнуло. Много разговоров. За вечерним чаем, вернее полночным, долго и возбужденно обсуждали новость.

Чувствовалось, что все горды тем, что русские спасли.

14-VII. Девять часов утра. Туман остался на горизонте, тяжелый, темный и освещенный, очень похожий на береговые горы и по виду и по очертаниям.

17-VII. Медведь. Лед почти сплошной задерживает пароход, а медведь пустился бегом и ветер к нему—пугает. Ранили. На льду полоска крови. Долго бежит медведь, уже думалось—уйдет, но полынья большая. Плышет медведь куда тише, чем бежит. Вчера взяли двух медведей.

Лед полярный чистый белый с синевой и с зелеными озерами. Празднично красиво полярное лето! Идем от Севера Новой Земли к Шпицбергену. Без промысла все скучают.

Два медведя идут навстречу друг к другу, громко переговариваются и оба идут к пароходу.

18-VII. Радио теряет связь. Архангельск и Мурманск далеко, Югорский тоже—Матшар—горы мешают и слабая слышимость „Малыгина“. И странно,—стало хорошо. Освободились! Одни среди бесконечных льдов.

А радио так сближает, что кажется, вот тут за туманом, совсем рядом, и Архангельский шум газетный, и вся мелочь сутолоки житейской!

В давние поездки ко льдам на „Фоке“ в Карское море (с промысловым рейсом), в экспедициях по установке радиостанций бродили без радио. Месяца по три без вестей. И чувствовалась дальность расстояния и это давало полноту.

Теперь же среди льдов, иногда в тумане,—мы крепко связаны с „внешним миром“. Это слишком много внимания отнимает.

Сейчас радио почти молчит. И больше внимания льдам и медведям, желтеющим на белых льдах, Белым полярным чайкам, быстро снижающимся над водой и неосторожной рыбешке только, блеснувшей на солнце.

20 VII. Цвет льда изменился: уже вместо холодно-зеленого (ближе к синему) стал изжелта зеленый (почти цвета травы). Встречаются айсберги—громадные темные кучи льда, запорошенные землей.

2-VIII. У Земли Франца Иосифа. 80°30'.

Полночь. Солнце, как и подобает ему, стоит высоко. Туман пробегает легкими полосами, а на тумане радуги, но не такие, как всегда—радуги белые, цветистость чуть улавливается. Одна, две, три. Лед торчками. Напоминает мусульманское кладбище или остатки каких-то городов.

Хочется еще выше. Хочется ступить на Землю Франца Иосифа Водрузить наш флаг!

Вспоминается, что в Архангельске уже темнеет. Сегодня маяки зажглись. А мы в солнечных ночах. Лето, солнце, а туман, оседая на снастях, замерзает. А на днях градусник на солнце за ветром показал 32° Цельсия.

3-VIII. Озерко на льдине казалось маленьким, а воды пресной взяли около 100 тонн. Качать воду все высыпали. Льдину утоптали в серое месиво. Зеленое, чуть синее, озерко почти не убыло.

4-VIII. Встретили на льдине черную гору,—думалось,—не остатки ли дирижабля „Италия“? „Седов“ с ходу налетел и остановился. Гора черная, похожая на каменный уголь. Капитан дошел до озерка, среди которого стояла гора. Она заметно колебалась от сотрясений льдины. Взять образец не удалось.

5-VIII. Подошли к земле Александра. Шли свободной водой, встречались лишь изредка льды, да айсберги медленно проходили мимо.

По распоряжению из Архангельска, вернулись искать итальянцев. Идем самым тихим ходом. Якорь спущен на 30 сажен. Промеров здесь не было и осторожность очень нелишняя. Подошли к прибрежному льду. „Седов“ с ходу врезался в лед и остановился. Земля покрыта ледником и лишь береговые скалы видны темными пятнами на розовеющем льду. Я остался на пароходе, чтобы написать этюд, но когда на берегу появились темные фигурки добравшихся до земли промышленников, я забыл все свои планы и с приятелем своим Василием Платоновичем (промышленник) спустился на лед и к берегу. Лед розовеет, вода тихая, бледно зеленоватая, кажется такую можно только придумать. Кругом такое богатство красок, такая сокровищница, что я засмотрелся и оступился в воду. Кое как переобулся и с мокрыми ногами пошел вперед, земля-то уже близко. Приятель пошел впереди и в трудных местах просто переносил меня. Слегка смущаясь, брал в охапку и ловким, точным прыжком перекидывался через воду.

Дошли до глетчера. Край ровным обрывом, лед откололся и осел. Промышленники с помощью багров ловко забираются на глетчер. Сначала мой этюдник попал на глетчер, потом Василий Платонович поднял меня, а сверху подхватили. Шумят ручейки, много их и разноголосые, а с краю глетчера струйками водопадов блестят трещины. Иногда глубокие, но тут не было широких и идти легко. Обрывки водорослей по глетчеру делают узор.

Дошли до земли. Мыс Людлоф. Наконец то я на земле Франца Иосифа! Много лет мечтал. В 1914 г. в поисковой экспедиции за Седовым я надеялся быть здесь, но...

Промышленники уже сложили из камней гурий (опознательный знак). Я красной краской написал на большом камне Серп и Молот С. С. С. Р., а ниже на другом—„л/п. „Седов“—5/VIII—1928 г.“ А с другой стороны—имена бывших на берегу.

Мокрые ноги не позволяли остаться писать этюды. Набрали цветов, бледно-желтые маки. Приятелям я сказал, чтобы взяли по два камня плоских. Сообразили, в чем дело и взяли не только по два. Обратная дорога короче. Спуск с глетчера был прост, я просто скатился на подставленную спину капитана. На пароходе переоделся и снова на лед. Написал этюд—„Седов у земли Франца Иосифа“ и потом на камнях более 50 раз повторил. Писать было легко—ведь все приятели!

Солнце поднялось и спины ледников засветились, будто свет идет из толщи льда.

В салоне на тарелке цветы, взятые с корнями и с землей.

6/VIII. Море тихо, как вчера, и так же легко зеленеет с синими полосами. В поисках итальянцев зашли в пролив между островами. Остановились у ледяного поля, занесли якорь. Птицы кружатся, бороздят воду. Ледники, как спины спящих чудищ.

Светло, ветра и в помине нет. Остановились на ночь. Течением в пролив двинуло айсберги, появился туман.

Успели выскочить! Почти у самого берега узким проходом между глетчерами и берегом проскочили! На пароходе мало кто заметил, какой опасности мы подвергались. И много раз капитан выводил ледокол из ловушек, подстроенных льдами, туманом, ветром. Не заметили—спали крепко. Прогулка по земле для всех была праздником и теперь спят.

Ушли от айсбергов. В тумане проплывают редкие льдины.

8/VIII. Радио из Матшара. Радист беспокоится, спрашивает, куда, в какую дыру опять забрались, что плохая слышимость. Весь день идем в тумане.

9/VIII. Пробиваемся во льду. Сегодня взяли 11 медведей, четырех живыми. Не понимают медведи опасности или уж очень уверены в своей силе. Один, идя к пароходу, останавливался, катался, чтобы показать свои „мирные“ намерения. А медвежата на палубе едят охотно компот, хлеб.

10/VIII. Разбудил голос 2-го штурмана—докладывает капитану:

— Лед нажимает, может затереть!

Через час идем по свободной воде. Мы проходим в местах предполагаемого нахождения итальянцев. Но у нашего самолета колеса, лыжи, но не поплавы. А подняться можно только с воды. Ледяные поля все в проталинах.

Вечере уже предосеннее. Облака тяжелеют. Небо на горизонте окрасилось желтой полосой.

13/VIII. Третий день стоим в тумане. Лыдина заметно раз'едается водой (в воде 1°). И заметно на льдине, что стоим около трех суток—банки, бумага, мусор.

В кают кампании разговоры на тему: Архангельск. Я же думаю, как бы еще выше и еще побывать на берегу.

Туман ушел. Двинулись. Подошли близко к острову Виктории. Остров выгнул ровную блестящую спину глетчера. Край старого облома с пятнами свежего снега. Большой медведь важной медленной поступью пришел почти к самому пароходу.

Осторожный обычно капитан так увлекся желанием оказать помощь погибающим итальянцам и так усердно всматривался в берег, давал свистки, что мы попали в лабиринт неподвижных айсбергов. Смерили глубину—3½ сажени. Айсберги на мели. Капитан дал сигнал в машину и в трубку тихо сказал:

— Нажми, старина!

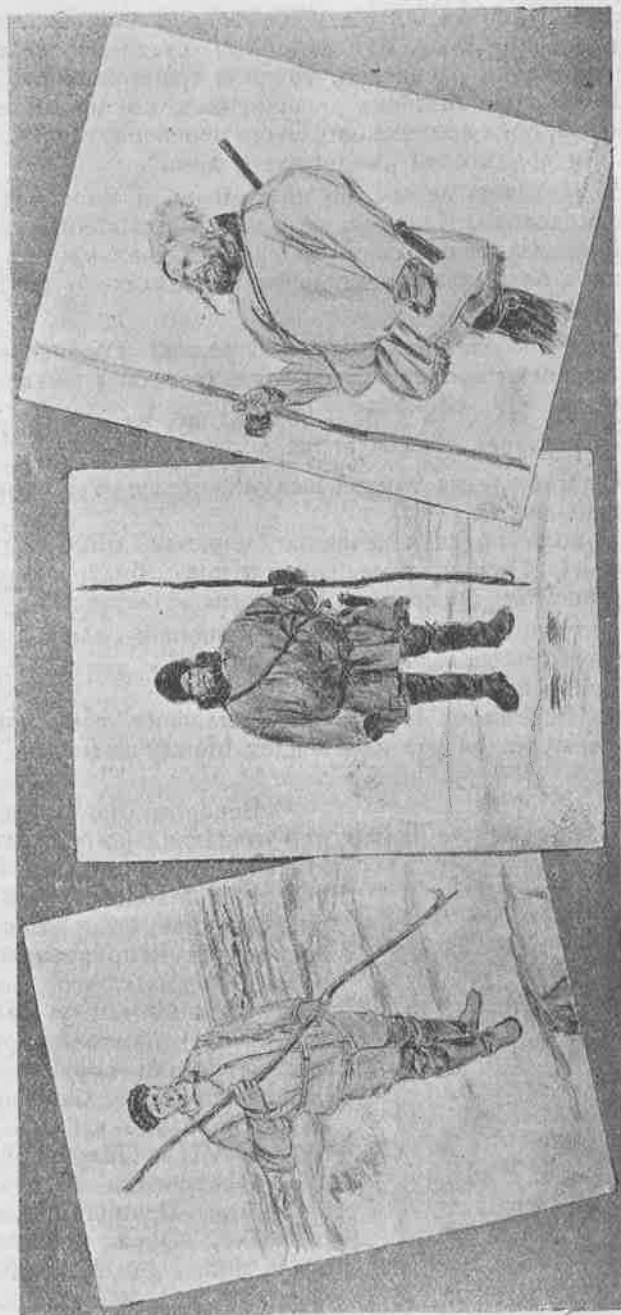

Рис. худ. С. Г. Писахова.

Типы промысловиков.

Механик вышел на палубу, огляделся, сдвинул шапку на затылок, свистнул и ушел в машину. Выбрались благополучно. Опять почти никто не заметил. У трубы обычные мирные беседы.

Убили зайца пудов на 30. На краю тонкой льдины лежит. Много народу пустить опасно. Двое. Как акробаты скатились с лестницы. На льдине каждое движение рассчитано, точно и грациозно! Багор пробует льдину. Легкий прыжок. Льдинка покачнулась, но промышленник уже на другой, третьей, пока льдинка собралась перевернуться! Сняли шкуру, взяли и тушу для обитателей „медвежьего дома“.

Ночь, небо завешено серым, но не темным, а многокрасочным. На горизонте ярко красочно. Кажется, не одно, а три солнца светят из за облаков. Яркий предзакатный свет собрался в трех местах. А на другой половине неба бахромчатые занавеси шоколадного цвета на синеватом, слегка мутном фоне.

14/VIII. Туман несется полосами,—то редкий и посветлеет, то сдвинется почти к самому пароходу и мы затериваемся в океане.

16/VIII. Туман. Нанесло к большой льдине, на ней озерки пресной воды. Снова берем запас свежей воды.

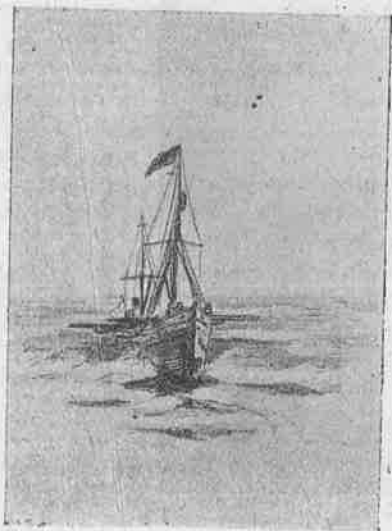
20/VIII. К пароходу из тумана выплыла медведица с медвеженком. Медвеженка взяли живым.

Из тумана появляются и исчезают, проходя мимо льдины—очень похоже на карнавал. Причудливые формы и позы, будто только приостановились в порывистом движении и проплывают затаясь.

Плоские с приподнятым краем (или лапа или голова), проплывают высокие с вытянутыми шеями.

— Ишь, будто и неживые!

Оборачиваюсь. Рядом старик промышленник тоже наблюдает за льдами. А карнавал льдов все идет и идет. Между льдинами появляются нерпы, зайцы.

„Гобб и“. Рис. худ. С. Г. Писахова.

Вечером по радио слушаем чей-то доклад „о походе Малыгина“. Начало пропустили. Говоривший участник похода „старался“: говорил, что они были „накануне прикосновения неприкосновенных припасов“, говорил, что „льда кругом было больше, чем у них провизии и угля“. И трогательно рассказывал, как встретили первые льды, они „ласкались, как ласковые собаки“. Радио дало нам веселый вечер.

21/VIII. Получено распоряжение обследовать восточную сторону Земли Франца Иосифа. Туман разнесло. Океан тяжелый, темно сталь ной, с белыми гребнями. Редкий снег.

22/VIII. Мокрый снег хлопьями облепил пароход. Стоим у льдины. Нет, не стоим, а с льдиной куда то несемся. Можно спросить у капитана показать на карте где мы,

но не все ли равно: лишь бы не на юг, а еще на север.

Вечером встретили „Гобби“. Идет на поиски итальянцев и Амундсена. Сравнительно небольшое судно, машина на корме. На палубе два гидроплана с собранным виде, стоят под стрелами, всегда могут быть опущены на воду. Подошли близко. Капитан „Гобби“ и начальник экспедиции Ларсен приехали к нам. С „Гобби“ нас фотографировали усердно и кино и простыми аппаратами. Чтобы не повредить крылья самолетов, „Гобби“ носом подошел к борту „Седова“. Иной мир. Чужая речь, костюмы. „Хозяйка“ судна американка Гобби и ее спутница одеты по мужски. По виду у них все хорошо прилажено, но у нас как то теплее, проще и уютнее.

Туман поднялся с горизонта и видна стала земля,—Мыс Гранта, Стофан, Билль—места уже знакомые! Здесь мы уже были. Внизу осела полоса тумана, над туманом темный с белыми полосами снега остров, на ровной площадке глетчера, будто искусственно, сделан конус. Туман поднялся и остров оказался не так дико высок, каким был над полосой тумана. Солнце за облаками, но еще не закатилось. Хорошо бы еще выше, еще несколько солнечных ночей.

23/VIII. Стоим в Британском проливе. Туман сливается с глетчерами. Иногда куски тумана вытягиваются, отрываются и улетают, будто острова выкидывают в небо большие куски глетчера. В одном месте туман стал подыматься кусок за куском, как извержение. Стоим близко от мыса Флора.

24/VIII. Идем малым ходом мимо о. Хукер, где зимовал „Фока“. Рядом о. Едзерайдис, низенький и без ледника, зеленеет. На нем, похоже, стоят две избы. Подошли ближе—это только камни, а уже думалось, что нашли итальянцев.

Пароход ударил в льдину, а на ней за ропаком спал медведь. Охотники его не видели и не приготовились. Медведь проснулся от толчка, вскочил, заорал и бежать! И ушел. За кормой другой появился.

Ночь солнечная. Вдруг из за горизонта серым клином вытянулся туман, закрыл розовеющие облака и навалился на льды, на пароход. Идем к Новой Земле.

25/VIII. Весь пароход покрыт ледяной корой. Антенну опускали, чтобы отбить лед. Промышленники заканчивают плетенье сетей. Путь длинный, времени много, и постоянно несколько человек занято сетями.

26/VIII. День ясный. Океан свободен от льда, промышленники называли его голым.

Дошли до Севера Новой Земли. Мыс Ледяной, за ним и Мыс Желания. По сравнению с Землей Франца Иосифа это уже юг! Тут уже больше земли свободной от ледников. Мыс Желания длинной узкой полосой вышел в океан и на нем чувствуется зелень.

7 часов вечера. По обе стороны солнца на тонком слое тумана два кусочка яркой радуги.

27/VIII. Встретился лед, подводная часть зеленая, почти цвета желтеющей травы. Капитан объясняет это пресной водой из Оби. Туман „Седов“ дает свистки. На 76° сев. широты, свистки дают впечатление населенности. Ждали встречи с ботом Госторга „Новая Земля“. Стало по осеннему сумеречно и часы в каюте громче стали тикать.

30/VIII. Обошли Новую Землю, Карские ворота кругом. Встретили последние льды. Отошли от Новой Земли. Тут уже дома. В полночь по горизонту над закатом полоса широкой усиленной радуги, переходящей в темно-синий прозрачный тон. А на другой стороне неба луна над горизонтом в оранжевом треугольнике.

Ст. Писахов.

Ледовитый Океан.